

Сима Вэй

Шёпот холодных минералов

Книга 1

ЗОВ СЕРДОЛИКА

S-1

Сима Вэй

Зов сердолика

<https://litres.ru/74313852>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я — Проводник. Мой дар — чувствовать тончайшие вибрации города и удерживать его разрывающиеся жилы.

Демьян — Грань. Молчаливый, суровый бывший оперативник тайного Ордена, обученный выполнять приказы, не задавая вопросов и не щадя ни себя, ни других. Его сила — нерушимый, холодный гранит, способный сдержать любой удар.

Чтобы спасти этот город и отвоевать право на собственную жизнь, нам придется сокрушить древний баланс. Переписать жесткую карту Ордена. И доказать, что за самым непробиваемым камнем всегда бьется живое, нерушимое человеческое сердце.

Содержание

ГЛАВА 1. ДОЖДЬ, КОТОРЫЙ УМЕЕТ СЛУШАТЬ	4
ГЛАВА 2. АНАТОМИЯ ШЕРОХОВАТОСТЕЙ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сима Вэй

Зов сердолика

ГЛАВА 1. ДОЖДЬ, КОТОРЫЙ УМЕЕТ СЛУШАТЬ

Часть 1

Автобусный поручень хранил чужое лихорадочное тепло. Я сжала его пальцами и тут же разжала, вытирая ладонь о джинсы: кто-то, кто держался здесь до меня, страшно опаздывал и буквально захлебывался собственной паникой. Это ощущение липло к коже, как мокрая паутина в осеннем лесу.

Я зажмурилась, делая медленный вдох через нос. Раз, два, три, четыре. Вдохнуть холодный воздух с открытой форточкой, выдохнуть чужую тревогу.

Мои волосы, мокрые на концах, тяжелой иссиня-черной волной оттягивали голову назад. С них капнуло на куртку, и ткань мгновенно потемнела. За окном мегаполис расплывался в серых сумерках. Огни фонарей растворялись в дожде, превращаясь в мутные желтые желтки, размазанные по мокрому стеклу. Все в этом городе куда-то бежало, шуршало плащами, стучало каблуками по тротуарной плитке, даже не подозревая, насколько он на самом деле пустой внутри.

Как старый, высохший изнутри грецкий орех, который гремит скорлупой, но питать им уже некого.

Семнадцать — странный возраст. Ты вроде бы уже видишь всю доску с фигурами, понимаешь, кто куда пойдет и где совершит ошибку, но правила игры тебе все еще задают взрослые.

— Девушка, пропустите, — пробормотала женщина с тяжелой сумкой, протискиваясь к выходу.

Ей даже не нужно было ничего говорить. Нажатие ее локтя на мое плечо отозвалось тяжелой, густой усталостью от бесконечной домашней рутины и тихой, почти привычной обидой на мужа. Я чуть отступила в сторону, затылком чувствуя, как меняется угол наклона ее головы, как она задерживает дыхание перед тем, как вышагнуть в лужу на остановке. Я знала, что через три шага она поскользнется, потому что наступит на скользкий металлический люк, но не сделает этого, если я сейчас на секунду задержу дверь, будто замешкавшись.

Я замешкалась. Женщина качнулась, сменила траекторию, обогнула люк и благополучно ушла в темноту street-парка. Маленькая, незаметная победа над чужой суетой.

Я всегда так делала. Если читать людей как открытую книгу — это навык, то предсказывать их следующие шаги по едва заметному напряжению мышц и повороту взгляда — обычная внимательность. Я смотрела на мир через большие глаза цвета мокрого асфальта и видела, как из мелких, слу-

чайных поступков плетется чужая жизнь. Но свою собственную направить в нужное русло никак не могла.

Автобус дернулся и поехал дальше. Я достала из кармана серый, абсолютно обычный речной камушек, который подобрала три дня назад на набережной. Он был гладким, зашлифованным водой до состояния шелка.

Обычно камни молчат. Они холодные и мертвые. Но этот... этот будто подрагивал в ладони, когда я проходила мимо старого двухэтажного дома с мезонином на улице Покровка. Как если бы внутри у него бился малюсенький пульс, едва различимый, как дыхание спящей синицы.

Я снова сжала его в кулаке. Камень отдавал сухим, плотным теплом. Он не просил помощи, не паниковал, как пассажиры в автобусе, и не злился. Он просто... ждал.

— Следующая остановка «Старосадский переулок», — прошипел динамик над головой.

Я шагнула к выходу. Пришло время проверить, почему обычный кусок минерала пытается заговорить с той, которая и так слышит слишком много лишнего.

Часть 2

Дождь на Покровке не просто капал — он мелко и придиристо сеял, пропитывая воротник пальто за считанные секунды. Старый двухэтажный дом с облупленной лепниной стоял чуть в глубине двора, скрываясь за пышными, тяжелыми от воды ветками сирени. На первом этаже располагилась сушильная лавка, а вот левое крыло выглядело так, буд-

то время про него просто забыло.

На обшарпанной деревянной двери висела скромная медная табличка с едва различимой гравировкой: «*Консультации. Вход по записи*».

Никаких обещаний вернуть любимого, никаких громких зазываний об ауре или чакрах.

Я остановилась на верхней ступеньке, ощущая, как речной камень в кармане буквально наливается тяжестью, будто его наполнили свинцом. Из-за закрытой двери не доносилось ни звука, но моя эмпатия среагировала раньше, чем я успела протянуть руку к дверной ручке.

Там, внутри, не было привычного мегаполису фона — ни суеты, ни раздражения. Воздух за этой дверью казался плотным и неподвижным, как вода на дне лесного оврага, куда никогда не проникает ветер.

Я толкнула дверь.

Внутри пахло не благовониями или дешевым воском, а сухой пылью, старой бумагой и чем-то еще резким, слегка заторфенным, как земля в лесу сразу после первой оттепели. В полумраке комнаты, освещенной лишь одной тусклой лампой под тканевым абажуром, за тяжелым дубовым столом сидела женщина.

Ей можно было дать и сорок, и шестьдесят. На ней был обычный серый свитер крупной вязки, но то, как она держала спину, выдавало в ней человека, привыкшего наблюдать, а не суетиться. Ее глаза — прозрачно-серые, почти белесые

— мгновенно въелись в мое лицо.

— Заходи, Эльвина, — произнесла она. Голос у нее был низкий, с легкой хрипотцой, будто она долго молчала. — И вынь руку из кармана. Камень у тебя уже горячий, верно?

Я застыла на пороге, невольно просчитывая варианты. Назвала по имени? Откуда? На вид — обычная городская гадалка, но движения слишком точные, никакой театральности, никаких хрустальных шаров. В углу стола лежала только деревянная плашка, а на ней — полдюжины шероховатых, неотшлифованных минералов.

— Откуда вы знаете мое имя? — спросила я, старательно удерживая голос на одной ноте, чтобы не выдать легкого укола тревоги.

— Твое имя слишком громко звучит, когда тыходишь, — женщина едва заметно улыбнулась уголками губ и указала на резной стул напротив. — Присаживайся. Меня зовут Маргарита. И нет, я не читаю мысли. Я просто видела, как ты три минуты стояла на крыльце, вычисляя, стоит ли входить. Ты всегда так долго взвешиваешь риски?

— Только когда дело касается вещей, которые не поддаются логике, — ответила я, садясь на край стула. Я вытащила из кармана речной голыш и положила его на стол между нами. — Он ведет себя странно. Это не нормальные физические свойства минералов.

— Логика — это просто короткая дорожка, которую вытоптал твой разум, — Маргарита наклонилась ближе, и я

ощутила от нее сложную волну эмоций. Никакой агрессии. Только глубокое, въедливое любопытство и... тихая печаль, похожая на заброшенный сад. — А камни ходят там, где дорожек еще нет.

Она протянула сухую, узкую ладонь и слегка дотронулась пальцем до камешка.

В ту же секунду камень на столе вильнул в сторону, будто его подтолкнул невидимый сквозняк, и остановился ровно напротив небольшого красноватого кусочка с рваными краями.

Сердолик. Я узнала его мгновенно: слишком много времени провела за справочниками по минералогии в попытках понять, что со мной происходит.

От этого маленького красного осколка по столу пробежала едва заметная, но ощутимая кожаная волна, будто кто-то щелкнул по натянутой струне. Мои волосы поймали электрический заряд и распушились. Я машинально провела по ним рукой, раздался треск.

Женщина улыбнулась и посмотрела на меня.

— Они не молчат, Эля, — тихо сказала Маргарита, назвав меня коротким именем, и в ее тоне проскользнуло что-то материнское, но строгое. — Они хранят всё, что этот город забыл, когда перешел на железо и бетон. И они искали того, кто сможет не просто их услышать, но и понять, что делать с этой памятью.

Я посмотрела на сердолик. В его глубине, замутненной

временем, вдруг брызнула и погасла маленькая искорка живого, алого света. И моя привычная, выверенная до мелочей картина мира дала трещину.

Часть 3

Искорка в сердолике угасла, но отклик остался. Он гудел на кончиках моих пальцев — не больно, но настойчиво, как отзвук низкой ноты, взятой на тяжелом органе.

Я медленно перевела взгляд с красного осколка на Маргариту. Мой ум, привыкший раскладывать любое событие на причины, вероятности и выгоду, сейчас судорожно искал подвох. Фокус? Вшитый светодиод? Магнетизм? Но эмпатия, мой самый въедливый инструмент, молчала о лжи. От Маргариты веяло той же звенящей, плотной правдой, с какой зимний лед трещит на реке под ногами.

— Вы хотите сказать, что этот город просто завален пассивными носителями информации? — спросила я, сцепив пальцы в замок на коленях. В голосе прозвучала привычная сухая отстраненность — мой главный щит. — А я случайно оказалась нужным приемником?

Маргарита тихо хмыкнула и качнула головой, отчего её тяжелые серебряные серьги чуть звякнули.

— Ничего случайного в тебе нет, девочка. Ты не просто «слышишь». Ты собираешь мозаику. Обычный эмпат сгорел бы от чужого горя или сошел с ума в толпе метро. А ты? Ты анализируешь. Ты раскладываешь чужую боль по полочкам

и выстраиваешь схемы, чтобы её обойти. Это не просто чувствительность. Это стратегия.

Она сдвинула сердолик ближе к моему речному голышу. Камни не соприкоснулись, но между ними, в воздухе, словно натянулась прозрачная нить. Воздух над столом слегка искажился, как над раскаленным асфальтом в июльский зной.

— Древние знания не вымерли, — прошептала Маргарита, и ее голос словно обрел весомость, заставляя замолкнуть даже шумящий за окном дождь. — Их просто загнали в подполье, закатали под плиты мостовых и залили бетоном. Но камень помнит всё. Помнит, кто строить умел, а кто предавал. И сейчас эти знания просыпаются, потому что мир снова дает сбой. Слишком много фальши вокруг. Слишком много шума.

— И что вы хотите от меня? — напрямую спросила я, фиксируя каждый её жест: как она чуть наклонила подбородок, как расправились её плечи. Наставница? Возможный союзник? Или тот, кто хочет использовать мою особенность в своих интересах?

— Я хочу научить тебя с ними работать, — просто ответила она. — Не просто слушать, а управлять этим. Переписывать паттерны. Видеть выходы там, где остальные видят тупик. Но выбор за тобой. Можешь выйти в эту дверь, вернуться в свой автобус, окончить школу, поступить на факультет логистики или психологии и всю жизнь глушить этот гул таблетками от головной боли.

Она умолкла, давая мне время.

За окном проехала машина, на секунду полоснув по потолку комнаты ярким светом фар. В этом свете я увидела свои руки — длинные тонкие пальцы, замершие в ожидании решения.

Вернуться назад?

Притвориться, что этого вечера не было?

Но я уже знала: если я уйду, этот город навсегда останется для меня картонной декорацией. Настоящая жизнь — сложная, опасная, дышащая древней тайной — была здесь. На этом дубовом столе, между сердоликом и простым речным камнем.

Я протянула руку.

Пальцы коснулись шероховатой поверхности сердолика, мешкать больше не было смысла. Когда мои подушечки уткнулись в грань минерала, сквозь меня от пят до макушки прошел острый, ледяной разряд, который тут же сменился глубоким, ровным теплом. Где-то в глубине сознания словно повернулся тяжелый замок.

— Когда первое занятие? — спросила я.

Маргарита едва качнула головой.

— Оно уже началось, Эльвина. Первое правило: никогда не верь тому, что лежит на поверхности. Даже камням.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ГЛАВА 2. АНАТОМИЯ ШЕРОХОВАТОСТЕЙ

Часть 1

Дождь за ночь выдохся, оставив после себя лишь едкий, сырой запах промокшей листвы и мокрого бетона. Утро встретило меня звонком будильника в шесть тридцать и привычным ощущением, будто внутрь черепа засыпали сухой песок.

Первое правило Маргариты звучит красиво, когда сидишь в полумраке старого дома на Покровке. В реальности же, когда тебе семнадцать, впереди контрольная по алгебре, а за окном видишь смог московского рассвета, романтика древних тайн быстро растворяется в чашке черного кофе без сахара.

Я стояла перед зеркалом в прихожей, заплетая волосы в тугую, строгую косу. Иссиня-черные пряди, обычно непокорные и прямые как прутья, сегодня ложились с каким-то странным, почти вынужденным послушанием. Пальцы все еще помнили тот сухой ледяной разряд от сердолика.

— Эля, ты заберешь мелкого из сада? Я опять задерживаюсь, — из кухни высунулась мама, на ходу застегивая сережку. От нее исходил привычный фоновый шум тревог: отчетность за квартал, невыплаченная премия, ссора с отчимом.

Этот микс стал для меня своеобразной музыкой, так же, как и шум Третьего транспортного за окном.

— Заберу, — спокойно ответила я, завязывая резинку. — И проверь левый габарит у машины, когда поедешь. На перекрестке с Маросейкой светофор мигает быстрее обычного, ты в прошлый раз чуть не задела бордюр, когда отвлеклась.

Мама на секунду застыла, уставившись на меня. В ее глазах проскользнуло легкое недоумение: она действительно отвлекалась там два дня назад, но откуда я могла знать?

Я сама не понимала, откуда взялась эта уверенность. Просто увидела каблук, движение пальцев на ключах — и в голове мгновенно сложилась чужая ошибка на перекрестке.

— Ладно... спасибо, — пробурчала она, хватая ключи. — Ты какая-то странная в последнее время. Слишком много думаешь.

«Если бы ты знала, насколько», — подумала я, закрывая за ней дверь.

Школа встречала гулом, схожим с ульем, в который ткнули палкой.

Наш 11-й «Б» бурлил: до итоговых экзаменов оставалось полгода, и атмосфера в коридорах была отравлена концентрированной лихорадкой. Я шла по паркету, физически ощущая, как волны чужой паники, перед поступлением, перед незачтенным рефератом, перед непонятной симметрией, наплывают со всех сторон.

Раньше я просто закрывалась: мысленно выстраивала

между собой и людьми стеклянную стену и раскладывала их реакции по полочкам, чтобы не сойти с ума от этого потока. Но сегодня все было иначе.

В левом кармане школьного пиджака лежал речной камушек. Тот самый.

Он больше не подрагивал, но сохранял едва заметную, устойчивую температуру.

И каждый раз, когда кто-то проходил слишком близко — как, например, Дашка с параллельного, от которой за версту разило отчаянием из-за безответной любви к 11-класснику из «А», — камень в кармане становился капельку тяжелее. Он работал как фильтр. Как заземление. С каждой крупницей тяжести отступал навязчивый эмоциональный шум. Чужие чувства просеивались через древнюю структуру камня, оставляя мне лишь сухие факты.

Я села за свою последнюю парту у окна, достала тетрадь и положила ладонь на карман.

Маргарита сказала, что первое занятие уже началось. Но она не дала мне книг, не дала заклинаний. Она просто отправила меня обратно в мой обычный мир, зная, что теперь я смогу увидеть его изнанку.

И изнанка не заставила себя ждать.

Дверь в кабинет математики резко распахнулась, и следом за растерянным учителем в класс вошел тот, кого здесь быть точно не должно.

Не ученик.

На вид парню было лет двадцать.

Он даже не подумал расстегнуть строгое темно-синее пальто, потяжелевшее от сырости. Было видно, что он только с холода: на темной ткани еще блестели мелкие капли дождя, а каштановые волосы растрепал промозглый уличный ветер.

Не обращая ни малейшего внимания на замершего у доски преподавателя, гость двинулся вдоль рядов. Казалось, он вообще не воспринимал происходящее как урок: его взгляд, темный, почти чернеющий на свету, методично сканировал лица школьников, словно он пришел сюда с одной-единственной целью — найти кого-то конкретного и забрать.

Он шел молча, но от каждого уверенного шага по классу проносилась странная, едва уловимая волна. Это не было эмоцией — ни страхом, ни злостью. Это была плотная, давящая тишина.

Такая бывает за секунду до того, как в дерево ударит молния.

Разговоры стихли.

Кто-то нервно хихикнул.

На первой парте кто-то уже достал телефон, но так и замер с ним в руке.

Речной камень в кармане мгновенно раскалился до предела, обжигая бедро. А моя интуиция вдруг выдала чистый, оглушительный белый шум.

Я попыталась прочитать его: поворот плеч, взгляд, сжатые губы. Но его фигура ломала все мои привычные схемы. Он

был абсолютно непроницаем. Как монолитная базальтовая скала, об которую с треском разбивались все мои алгоритмы.

Часть 2

Парень остановился у учительского стола, коротко кивнув нашему математику. Его взгляд медленно, без суеты пополз по рядам. Он искал. Не просто скользил по лицам, а будто простукивал каждый стол, каждую парту, каждый нерв в этом кабинете.

И в тот момент, когда его глаза остановились на мне, меня словно дернуло током.

Это не было похоже на то, как я обычно чувствую людей. Чужие эмоции всегда входили в меня мягко или хаотично: чей-то страх пах кислым, чья-то злость кололась сухими иголками. Но от него не веяло вообще ничем. Настоящая, абсолютная, вымораживающая пустота. Как если бы ты смотрела в глубокий колодец и осознавала, что дна там нет вовсе — только лед и сотни метров глухого, спрессованного временем камня.

Он смотрел прямо на меня. Пару секунд. Но за эти две секунды мое сердце сделало судорожный, болезненный кувырок и буквально застряло где-то в горле. Моя привычная, идеальная система защиты, которую я выстраивала годами, рассыпалась как карточный домик от легкого сквозняка. Я не могла отгадать его следующий шаг. Я не могла понять, о чем он думает. Мой стратегический мозг, всегда находив-

ший минимум три выхода из любой ситуации, сейчас беспомощно выдавал сплошную пустоту.

Это бесило. Это пугало до дрожи в пальцах. И это... заставляло кровь стучать в висках с какой-то дикой, запредельной частотой.

— Извините за вторжение, — его голос оказался неожиданно низким, бархатистым, но оттого еще более опасным. Он звучно отдавался от школьной доски. — Маргарита попросила передать кое-что одной из ваших учениц. И заодно убедиться, что она действительно меня услышит.

Он говорил для всех, но смотрел только на меня.

По классу прошёл шёпот. Несколько человек одновременно повернули головы в мою сторону, но мне было не до них. Я следила лишь за тем, как он медленно вытащил руку из кармана пальто и бросил на стол учителя маленький, ровный кубик из черного, как ночь, шунгита.

Камень с глухим стуком ударился о полированное дерево.

И в эту же секунду мой речной камень в кармане обжег ткань джинсов настолько сильно, что я едва удерживала крик. Напряжение в воздухе между нами стало почти физическим, как натянутый до предела стальной трос.

Его внимание по-прежнему было приковано ко мне. В его взгляде проскользнуло кое-что еще — не простая проверка, а вызов. Он прекрасно понимал, что я сейчас чувствую. Он видел, как я отчаянно пыталась прочитать его, и мне вдруг показалось, что его это откровенно забавляет.

— Эльвина, верно? — спросил он, и в уголках его губ едва заметно дрогнула холодная, едва уловимая тень ухмылки. Он словно сверял увиденное с чем-то известным только ему.

— Маргарита ждет тебя сразу после уроков, — произнес он после короткой паузы. — И сказала передать, чтобы ты перестала так сильно сжимать кулаки. Ты ведь не на ринге.

Я сжала пальцы еще сильнее, до белизны в костяшках, чувствуя, как ногти въедаются в ладони. Я смотрела на него снизу вверх, заставляя себя смотреть прямо ему в глаза.

Первый человек, которого я не могла раскусить. Первый, кто видел меня насквозь так же легко, как я привыкла видеть других. И именно в этот момент я отчетливо поняла: моя спокойная, просчитанная до шага жизнь окончательно закончилась.

Часть 3

Урок алгебры прошел как в тумане. Уравнения на доске складывались в привычные узоры, но я впервые в жизни не решала их, а просто смотрела, как белый мел оставляет сухую пыль на пальцах учительницы. Мой мозг, заклинивший от короткого замыкания во время визита этого незнакомца, постепенно возвращал себе контроль.

Но привычная уверенность рассыпалась.

Когда прозвенел звонок, я первой поднялась из-за парты, перекинула ремень рюкзака через плечо и натянула свои потертые кроссовки на толстой подошве. Никаких неудобных

каблуков или строгих ботинок — в мегаполисе нужно уметь быстро менять локацию и не думать о том, что у тебя затекут ноги после трех пересадок в метро. Подошва мягко пружинила по школьному линолеуму, пока я спускалась по лестнице, оборачиваясь на каждый шорох.

Черный шунгитовый кубик остался лежать на столе преподавателя, но я чувствовала его присутствие спиной, даже когда вышла на улицу.

Накрапывающий дождь сменился сырой, промозглой взвесью. Я шла по асфальту, смотря, как в лужах отражаются неоновые вывески кофеен и пролетающие мимо каршеринговые авто. Мои кроссовки тихими, ритмичными хлопками отмеряли дистанцию до Покровки.

Зачем Маргарита подослала его? Чтобы проверить меня? Показать, что мои эмпатические навыки просто детская игрушка против того, кто умеет закрываться полностью?

Пальцы в кармане снова сжали речной камень. Он был теплым, почти горячим, будто пытался успокоить меня своей ровной, ненавязчивой пульсацией. «Стратегия, Эля, — напомнила я себе, ускоряя шаг. — Если ты не можешь прочитать человека по эмоциям, читай его по фактам».

Он знал мое имя. Он пришел прямо в школу. Он носит дорожное пальто, но держится так, будто привык к спартанским условиям. Его движения слишком выверены — так двигаются люди, которые всегда готовы к нападению или защите. И главное — от него веяло холодом древнего, необработанно-

го камня.

Я свернула во двор с облупленной лепниной, обогнула мокрые кусты сирени и остановилась перед знакомой деревянной дверью. С подошвы кроссовок на верхнюю ступеньку стекала грязная вода.

Я сделала глубокий вдох, оправила иссиня-черные волосы, падающие ниже талии, и толкнула дверь, даже не постучав.

Внутри все так же пахло сухой пылью, старой бумагой и заторфенной землей. Маргарита сидела за своим дубовым столом, наливая из тяжелого глиняного чайника темно-янтарый отвар. А в углу комнаты, прислонившись плечом к книжному стеллажу и скрестив ноги в темных кроссовках, стоял он.

«Он что телепортировался?» — эхом отдало в моей голове.

Без своего пальто, в простом черном худи, он выглядел моложе. Но ощущение вымораживающей пустоты вокруг него никуда не исчезло.

— Заходи, Эля, — Маргарита указала взглядом на чашку, от которой поднимался густой пар. — Познакомься. Это Демьян. Именно он — единственная причина, почему ты сегодня не сгорела от чужого шума в школе.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.